

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-39-45
УДК 32.019.5(045)

Макроподходы к политическому управлению в России

С.П. Митрахович
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальным для России идеолого-концептуальным аспектам политического управления, управлению стратегиями, а также развитием и трендами в социально-экономических системах. Все эти аспекты являются ключевыми для теоретических построений в социальных науках и выработки практических рекомендаций для руководящих структур различных государств. Не является исключением и Россия, где стимулы поиска оптимальных управленческих решений в политической сфере задаются не только общемировыми тенденциями управленческого и технократического характера, но и необходимостью быстрой адаптации к масштабным санкциям, прокси-конфликтам с использованием силовых инструментов в процессе переосмысления своего места в системе международных отношений. Концепты государства-цивилизации, разворота на глобальный восток и юг, технологической и социально-психологической суверенизации требуют масштабных интеллектуальных и политико-организационных усилий по трансформации уже имеющихся подходов к политическому управлению с учетом всей остроты момента.

Ключевые слова: государственная политика; качество управления; политическое управление; идеология

Для цитирования: Митрахович С.П. Макроподходы к политическому управлению в России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):39-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-39-45

ORIGINAL PAPER

Macro Approaches to the Political Governance in Russia

S.P. Mitrakhovich
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to ideological and conceptual aspects of political management, strategy management, developmental management, and trends in socio-economic systems that are also relevant for Russia. This topic is one of the key subjects both for theoretical constructions in the social sciences and for developing practical recommendations to the authorities of specific countries. Russia is no exception, where incentives for finding optimal management decisions in the political sphere are set not only by global trends of a managerial and technocratic nature, but also by the need to quickly adapt to external stresses such as large-scale sanctions, proxy conflicts using power tools and rethinking their place in the system of international relations. The concepts of a state-civilization, a turn to the global east and south, technological and socio-psychological sovereignization, which have turned out to be in demand alone, require large-scale intellectual and political-organizational efforts to transform the approaches to political governance that already exist within the country, taking into account the entire acuteness of the moment.

Keywords: public policy; quality of management; governance; ideology

For citation: Mitrakhovich S.P. Macro approaches to the political governance in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):39-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-39-45

ВВЕДЕНИЕ

Макроподходы к политическому управлению в современной России включают в себя отсылки к уже используемым концептам в теории и философии политики, поскольку это ускоряет процесс поиска нужных решений и отвечает идеологическому курсу современного российского государства на сохранение преемственности социальным, культурным и политическим традициям. Речь идет не только о собственно российских традициях — эту часть идейного наследия отечественной истории можно считать частью большого нового «политического уравнения», своего рода формулы политического развития, вокруг которой сформирован достаточно устойчивый общественный консенсус. Но также элементом этого «политического уравнения» является и опора на отдельные сегменты европейского (или западного в целом) консерватизма, ту здоровую часть западных идейных и практических политических достижений, которую можно и нужно использовать с выгодой для России как государства-цивилизации, имеющего свою дорогу, но исторически связанного с европейской культурой.

Наработки управленческого характера, особенно технократия и все, что с ней связано, за последние десятилетия очень масштабно развивались во многих странах глобального юга и востока, включая достаточно успешные в ряде аспектов страны Азии. Для России многие из них, при «творческом восприятии», также могли бы стать частью выработки собственного пути в сфере политического управления. Тем более что по многим аспектам (цифровое государство, современный корпоративизм, эксперименты с управленческими сетями при сохранении роли политических иерархий и т.д.) некоторые азиатские страны продвинулись уже дальше в эффективной трансформации, чем многие государства Запада. Будучи государством-цивилизацией, Россия могла бы продуктивно брать и перерабатывать под свои нужды достижения стран с различными типами и особенностями политической, ценностной и стратегической культуры.

УМЕРЕННЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Представление об умеренном консерватизме как идеологии государства-цивилизации в по-

следнее время набирает обороты в экспертной и академической среде и становится стержневым для большинства подходов к политическому управлению в современной России. Консерватизм в данной форме предполагает не закрытость имплементируемых поведенческих моделей, и тем более не фиксацию их как социально-нормативного абсолюта, а как раз вовлечение стран и их населения в продвигаемые Россией «внутрицивилизационные политические, культурные, социальные и другие нормы поведения, регулирующие отношения между людьми» [1]. Расширение подобного условно «умеренного консервативного» цивилизационного пространства могло бы помочь достичь и экономических успехов, и сделать российскую политическую систему более устойчивой.

Онтологическим ядром консерватизма в современной российской его версии, применительно к политико-управленческим сюжетам, является следование традициям политического реализма, т.е. соотнесение желаемого и возможного через призму прагматизма. В этом смысле то же неприятие экстремизма и примата идеологических конструктов, столь характерных для современного западного глобалистского либерального мейнстрима (про «правильную» сторону истории, «борьбу мира свободы и мира несвободы» и т.д.), является составной частью консервативного реализма. Соответственно, само политическое управление оказывается рационализировано через консервативный практицизм, базирующийся не на столь характерном для нынешнего Запада «постмодернистском отказе» от собственного культурного наследия и опыта, а как раз на сознательном продолжении традиции.

Известный гарвардский специалист по России Т. Колтон, анализируя ключевые для российской власти паттерны концептуального восприятия политики, указывает, что современный российский консерватизм в его государственном исполнении очень прочно сочетается «со стратегией сохранения власти и стабильности, геополитическими амбициями, превознесением исторической памяти»¹. Здесь возникает определенная коллизия, ведь исходя из популярных западных интерпретаций имен-

¹ URL: <https://globalaffairs.ru/articles/smysl-putinskogo-konservatizma/>

но фокусировка на исторической памяти может приводить российское руководство к условно «мистическому» мышлению с попытками объяснить свои действия на той же современной международной арене отсылками к «излишне далекому прошлому». Но с российской точки зрения как раз растущие из истории представления о допустимом и ограниченном («сфера влияния» как раз является концептом из данной логики) куда более прагматичны, чем стремление максимизировать такие произвольно сформированные ценностные концепты, как, например, «страна, вставшая на путь демократии / правильную сторону истории». В «мистической» составляющей, на самом деле, как раз куда больше смысла, чем в концепциях вроде «исторических территорий».

ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Интересным концептом, описывающим суть умеренно-консервативного подхода к политике и политическому управлению в России, оказывается «гравитация идентичности» или «магнетизм идентичности» (термин упоминается в известных построениях Харичева А. Д. и соавторов, М. Ремизова и т. д.) [2]. Смысл его в том, что политическое управление должно базироваться не просто на противопоставлении коллективных (коллективистских) социальных норм и обязательств либеральной редукции этих обязательств вплоть до отказа в пределах от любых социальных ограничений существования человека (об этом аспекте активно говорят А. Дугин и его единомышленники). Но «гравитация идентичности» предполагает, что подходы к социальному конструированию и управлению в социально-политической среде, интерпретируемые через традицию или даже позитивно воспринимаемую ценностную «инерцию», как раз будут создавать достаточные стимулы для интеграции и единения вокруг условно консервативной повестки. Частью этой «гравитации», как считается, могли бы быть усилия по органичному повышению уровня социальной эмпатии в обществе, понимания и уважения интересов друг друга, а также «соработничество, мотивированность управленческих решений, творчество и конструктивная инициативность» [3]. Термин «соработничество» призван подчеркнуть этический аспект взаимодействия и коллективного

труда, включая творчество. Стоит отметить, что даже западные исследователи в настоящее время отмечают особую значимость этических и морально значимых терминов в дискурсе российского политического управления. Это связано с тем, что российская политическая система тесно связана с историей и черпает в ней силы.

В техническом же смысле слова речь идет по большей части о политическом управлении через принципы солидаризма [4], который исторически рассматривался как часть классического корпоративизма и потому какое-то время был непопулярен после Второй мировой войны из-за негативных ассоциаций с корпоративизмом того времени. В своей синдикалистской версии солидаризм использовался в политическом опыте постсоветской России, например, при формировании идейной программы политического управления, предлагавшейся Партией самоуправления трудящихся Святослава Федорова в 1995 г.

Базируясь так или иначе на идейной основе умеренного консерватизма, все сущностные подходы (макроподходы, подходы на макроуровне) к политическому управлению в современной России делают акцент на достижении различных целей (точнее, целей, которые видятся в разных плоскостях). Так, один из основных подходов можно называть «институционально-ордерным» [5]. Этот подход предполагает фокус на масштабных задачах государства в то время, как сам политический режим имеет большую ценность, чем «обычные» управленческие задачи в сфере политики.

Отсюда проистекают ценности и порядки «вертикали власти» или «долгого государства», если пользоваться наработанной за пару десятилетий терминологией В. Суркова. Именно исключительно и только мощное государство способно ставить «политические (стратегические) задачи повышенной сложности» вроде прорыва на утраченное ранее место на мировой арене или реализации «исторических шансов». Последнее может интерпретироваться критиками как нечто «мистически-мессианское», однако на практике оно может иметь и вполне «материалистическое» объяснение.

Речь идет о способности государства организовать ускоренную модернизацию или ускоренное эффективное приспособление к стратегическим вызовам момента, причем сделать это

очень быстро, умея концентрировать ресурсы и все имеющиеся элементы потенциала страны. Ключевым концептуальным объяснением тут оказывается само понятие политического порядка (ордера), который понимается как инструмент целесообразного функционирования и развития политической системы общества, и урегулированности процессов [6]. В том числе и в особенности в условиях стрессов — порядок оказывается своего рода «над-ценностью», без которой другие базовые ценности и задачи политики просто невозможны. Наиболее ярким примером такого стресса является война, но и иные сходные сюжеты вроде силовых прокси-конфликтов, санкционных противостояний, экономических или технологических блокад (сюжеты, востребованные для анализа особенно с учетом актуальной политической конъюнктуры после 2022 г.) концептуально попадают примерно в ту же рамку.

Институционально-ордерный подход предполагает, что пути реализации целей конкретного политического порядка нуждаются в рациональной организации институтов, правил игры, заточенных именно под поддержку самого существования (сохранения) порядка. Стоит иметь в виду, что, хотя первоочередная ценность сохранения государства и базового порядка является очевидным приоритетом российской стратегической культуры, идущей в буквальном смысле сквозь века (опыт переживания проблем в моменты распада или «исчезновения» государства / государственного порядка у России очень большой), тем не менее сходные подходы имели место и на либеральном Западе.

Например, именно идею о приоритете порядка и поддерживающих его институтов перед экономическим прогрессом, дисперсией власти и развитием демократически-представительных моделей социума предлагал в свое время известный политолог консервативного направления С. Хантингтон. А крупный специалист по политическим трансформациям (и оценке степени их успешности) в незападных странах (Нигерия, Малайзия и т.д.) Д. Горовитц указывал на принципиально важную роль сильной президентской власти в осуществлении того политического транзита, который осуществляется не ради некой модной идеологической цели («демократия» и т.п.), а именно создания эффективно функционирующего набора власт-

ных институтов, на базе которых уже возможно поступательное развитие экономического и социального характера. В своих спорах со сторонниками именно парламентской модели развития и парламентского типа республик (Х. Линц и др.) Горовитц обращал внимание на возможность сильной президентской власти сконцентрировать те полномочия, которые необходимы для прохождения трансформационного пути, осложненного этническими, социальными, военными и прочими острыми конфликтами в стране. С учетом пересмотра модных в конце холодной войны моделей «демократического транзита» как раз более привязанная к конкретными страноведческим реалиям концепция Горовитца по факту оказалась более эвристически-продуктивной.

Важно учитывать, что в рамках мобилизации (мобилизационного сценария) нельзя просто идти по пути условного сталинизма, хотя бы в силу учета современных реалий — когда важным ограничением и необходимым усилием оказывается работа с общественным мнением и легитимностью режима. В этом смысле даже масштабная основная «миссия государства» в виде, например, «мирозашитной политики» (когда поднимаются глобальные задачи уровня приведших к СВО в 2022 г.) и ее проецирования на внутривнутриполитическую жизнь тоже нуждаются в социетально-политической и коммуникативной поддержке (поддержка легитимности, управление общественными настроениями со снятием или ослаблением основных социально-психологических стрессов и т.д.).

ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЕ СО-УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ

Второй большой макроподход к политическому управлению в современной России как раз и вытекает из необходимости дополнения институционально-ордерного «костяка» режима различными со-управленческими механизмами и вовлечением управляемых в процесс взаимной и обратной связи с властями. Этот подход можно условно назвать, по аналогии с некоторыми западными концепциями, «технократическим со-управлением» (governance). При этом классический governance тут будет иметь отличия как от упрощенных (ограниченных по базовой политической логике) моделей управленческого или сервисного государства,

«нового государственного менеджмента», так и от либерально-полиархических интерпретаций, но при этом будет полностью поддерживать работы с гражданским обществом (при признании последним достаточной степени лоялизма базовым ценностям сохранения государства и его исторической традиции).

Российскую версию «политического соуправления» (governance) с западными же концепциями подобного типа объединяют попытки через нее разрешить актуальные или перспективные (возможные) кризисы легитимности. В случае с Западом масштабный кризис легитимности базовых политических институтов имел место еще в 1970-х гг., когда запрос на масштабное социальное вовлечение в политику, в том числе публичную, активно рос, а реализовать его в базовой логике капитализма не удавалось. Governance и его различные версии (good governance и т.д.) были призваны дать «недостаточно представленным» и/или «уязвимым» социальным группам дополнительные возможности для реализации, для выражения своего голоса и для повышения своего социально-экономического статуса (welfare state). Степень реального влияния при этом на стратегические решения оставалась спорным вопросом, как и дискуссия о том, насколько полноценной с точки зрения реального политического является «новая представленность», либо все же скорее речь шла о «коммуникационном театре», прикрывающем реальные (классические) инструменты власти.

В случае с Россией риск ощущения «недостаточной представленности» позиций тех или иных социальных групп тоже велик, а терять контакт с этими группами для государства опасно и с точки зрения непосредственных рисков для политического порядка, и с точки зрения размывания части научно-технического, творческого и культурного потенциала страны. Например, не секрет, что именно представители так называемого «креативного класса», если пользоваться терминологией известного социального теоретика Р. Флориды, испытали серьезный стресс от смены российской модели развития и отношений с Западом в 2022 г. Это проявилось в значительном увеличении масштабов эмиграции из РФ представителей артистического мира, IT-специалистов, людей, занятых в работе с представительствами западного бизнеса и т.д. Стал фиксироваться

и социально-психологический синдром «внутренней эмиграции». При этом принцип технократического соуправления (governance) как раз предполагает, что и этот сегмент общества важен для развития. Для России важно его задействование как драйвера и цифровой трансформации, и бизнес-инициатив (в том числе в сфере импортозамещения), и поддержания общего социального оптимизма как вполне рационально-материалистической задачи. Отсюда в том числе и высказывания тех же представителей российских властей вроде пресс-секретаря главы РФ Д. Пескова о том, что «страна ждет возвращения уехавших», «Россия всегда открыта для всех, кроме врагов».

«Технократическое соуправление» основывается на сочетании потенциала государственных институтов и социально-творческих возможностей различных общественных групп. В том же понятии электронного государства, активно продвигающемся сейчас в России, главным считается не столько просто информационная составляющая (когда граждане знают через интернет о работе государства, а государство через тот же интернет получает информацию о гражданах), сколько именно коммуникационная система на новом уровне взаимодействия. Эта система должна снижать издержки на взаимодействие и повышать при этом контролируемость процесса коммуникации для обеих сторон этого процесса (в будущем сторон будет даже больше, если учитывать бизнес и гражданское общество как отдельных акторов). Здесь важно наращивать использование ключевых современных технологий, включая искусственный интеллект, для решения реальных коммуникационных задач [7].

Речь идет о повышении связанности общества и его частей, о наращивании социального капитала (сетей взаимодействия и доверия в обществе), что с точки зрения современных представлений как раз ведет к повышению социального оптимизма, качества государственного управления и создания лучшей среды для предпринимательства и иных форм социальной и личностной реализации граждан. Перспективной может оказаться работа с открытыми данными и участием энтузиастов, которые будут отмечать ошибки, касающиеся информации о самих гражданах и о государственных институтах, о бизнес-ассоциациях и т.д. — благодаря чему качество работы с теми

же большими данными может существенно улучшиться. Возможно соучастие граждан, бизнес и бизнес-ассоциаций в формировании бюджетов и систем законодательства на различных уровнях — в том числе востребованными могут оказаться компетенции бизнеса (особенного высокотехнологического). Партиципаторные схемы, схемы соучастия в бюджетном планировании, постоянной связи с делегатами (депутатами), в том числе через цифровые механизмы, способны принести вполне ощутимую пользу.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, отметим, что, в отличие от сервисной модели государства, российский опыт построения технократического со-управления будет иметь большую и активную роль государственных инициатив в трансформации управленческих и социальных практик, и возложения принятия последнего решения не на заинтересованные группы, а именно на базовые государственные институты. В этом

смысле баланс отношений между государством и гражданским обществом в модели умеренного российского современного консерватизма будет смещен в пользу ключевых институтов, обеспечивающих политический порядок. При этом сами по себе политико-управленческие преобразования, нацеленные на повышение качества предоставления государственных услуг, должны иметь место и также подразумеваются и в российской версии governance. Ведущая роль государственных институтов предполагает сохранение и упрочнение институциональных возможностей для рациональной и в достаточной степени идейно мотивированной бюрократии осуществлять свою управленческую и целеполагающую функцию, однако вовсе не укорененное в социальной среде превалирование одного класса (группы) граждан над другими. Быть «заказчиком» и «проводником» социальных изменений и политических стратегий — это одно, а быть агентом политического доминирования над остальными социальными группами — это иное.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGMENTS

The paper was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильичева Л. Е., Лапин А. В., Ильичева М. В. Умеренный консерватизм как идеология российского государства-цивилизации. *Власть*. 2024;32(2):24–42. DOI: 10.24412/2071–5358–2024–2–24–42
2. Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследования и апробации). *Журнал политических исследований*. 2022;6(3):9–19. DOI: 10.12737/2587–6295–2022–6–3–9–19
3. Шичанин А. В., Гривков О. Д. Умеренный консерватизм как мировоззренческая основа современной России. *Журнал политических исследований*. 2023;7(1):115–130. DOI: 10.12737/2587–6295–2023–7–1–115–130
4. Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Идеи солидаризма в концепции построения гражданского общества в России. *Социодинамика*. 2013;(8):72–137. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.8.8750
5. Бережная Н. В., Лобова Л. А., Полякова О. А. Политическое управление современной России: концепты трансформации. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2021;(3):160–163. DOI: 10.22394/2079–1690–2021–1–3–160–163
6. Терещенко О. В. Политический порядок: методолого-структурный анализ понятия. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки*. 2019;(3–4):65–69.
7. Петросянц Д. В. Искусственный интеллект в «башне из слоновой кости». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(6):38–45. DOI: 10.26794/2226–7867–2023–13–6–38–45

REFERENCES

1. Ilyicheva L. E., Lapin A. V., Ilyicheva M. V. Moderate conservatism as an ideology of the Russian state-civilization. *Vlast*. 2024;32(2):24–42. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-24-42
2. Harichev A. D., Shutov A. Y., Polosin A. V., Sokolova E. N. Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Journal of Political Research*. 2022. 2022;6(3):9–19. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19
3. Shichanin A., Grivkov O. Moderate Conservatism as the ideological basis of Modern Russia. *Journal of Political Research*. 2023;7(1):115–130. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-115-130
4. Shchuplenkov O. V., Shchuplenkov N. O. Ideas of solidarity in the concept of building a civil society in Russia. *Sociodinamika*. 2013;(8): 72–137. (In Russ.). DOI: 10.7256/2306-0158.2013.8.8750
5. Berezhnaya N. V., Lobova L. A., Polyakova O. A. Political management of modern Russia: Transformation concepts. *State and Municipal Management Scholar Notes*. 2021;(3):160–163. (In Russ.). DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-160-163
6. Tereshchenko O. V. Political order: methodological and structural analysis of the concept. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. Seriya: Istoricheskie nauki. Kul'turologiya. Politicheskie nauki*. 2019;(3–4):65–69. (In Russ.).
7. Petrosyants D. V. Artificial Intelligence in “Ivory Tower”. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(6):38–45. (In Russ.) DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-38-45

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Станислав Павлович Митрахович — старший преподаватель кафедры политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Stanislav P. Mitrakhovich — Senior lecturer at the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

smitrahovich@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2024; принята к публикации 9.11.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.05.2024; accepted for publication on 9.11.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.